

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 902/904

DOI: 10.17223/19988613/51/13

Е.В. Водясов

ЭЛИТНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ С КУЗНЕЧНЫМИ КЛЕЩАМИ В КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ АРХИЕРЕЙСКАЯ ЗАЙМКА (ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 17-11-70002 а (р)
«Феномен элитных средневековых захоронений “кузнецов” (Томская область)».*

Статья посвящена элитному захоронению с кузнечными клещами на территории Томского Приобья в Западной Сибири. Впервые в научный оборот вводятся новые археологические и архивные данные о погребении 5 курганного могильника Архирейская Займка. В захоронении найдены кузнечные клещи, набор вооружения (кинжал, наконечники стрел, палаши), бронзовая чаша, изображение мифического зверя Сенмурва, бронзовое изображение птицы с развёрнутыми крыльями, наборный пояс и другие предметы. Уточнена дата погребения – конец VII – первая половина VIII в. Сделан вывод о принадлежности умершего к высокому социальному рангу. Кузнечные клещи рассмотрены как атрибут власти, что отражает средневековые представления различных обществ Евразии о связи кузнечества с магической силой и властью.

Ключевые слова: кузнечные инструменты; погребальный обряд; раннее Средневековье; Томское Приобье.

Особое место в археологии Западной Сибири занимают средневековые погребальные комплексы, содержащие в числе прочего инвентаря набор кузнечных инструментов. Захоронения «кузнецов» чрезвычайно редки и, как правило, выделяются обилием и богатством погребального инвентаря, представленного элитным вооружением, многочисленными украшениями, импортными предметами искусства, культовым литьем и др. Особое значение здесь приобретает проблема интерпретации прижизненного статуса и вопрос: являлись ли умершие кузнецами при жизни или кузнечные инструменты выполняли особую символическую функцию? Тема кузнечного инструментария и его роль в погребальном обряде населения Западной Сибири, к сожалению, практически не изучена. Имеется лишь несколько работ, посвященных археологическому аспекту этой проблемы [1, 2].

В этой связи актуальным видится анализ археологических материалов элитного захоронения с кузнечными клещами (курган или погребение 5) из могильника Архирейская Займка (Томское Приобье). Материалы этого кургана опубликованы [3. С. 39–40], однако в ходе работы с описью находок и самой археологической коллекцией, хранящейся в Государственном историческом музее, удалось установить, что не все предметы из погребения 5 опубликованы и верно атрибутированы, а некоторые вещи ошибочно «попали» в состав инвентаря указанного погребения. Помимо этого, в архиве Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) найдены новые неопубликованные материалы об особенностях погребального обряда. Наконец, феномен взаимосвязи кузнечных инструментов и престижных «экстраординарных» предметов в кургане 5 ранее не рассматривался. По этим

причинам уместно еще раз вернуться к исследованию уникального археологического комплекса второй половины I тыс. н.э. в Томском Приобье.

Курганный могильник у Архирейской Займки находился в черте г. Томска. Был открыт в 1896 г. рабочим Мухарремовым в ходе строительства железнодорожной Томской ветки Средне-Сибирской железной дороги. Точное местонахождение памятника неизвестно. Вероятнее всего, он располагался на берегу р. Малая Киргизка, притоке р. Большая Киргизка, впадающей в Томь [3. С. 37]. По всей видимости, памятник полностью уничтожен.

В 1896 г. томский библиотекарь С.К. Кузнецов приступил к раскопкам этого могильника, частично уже срытого строительством дороги [4. Л. 16]. Раскопки велись с 15 августа по 30 сентября 1896 г. Курган 5 был раскопан С.К. Кузнецовым всего за один день – 2 сентября 1896 г. Всего С.К. Кузнецов исследовал 36 курганов. К сожалению, полевая методика конца XIX в. привела к уничтожению значительной части научной информации о могильнике. Отчет о раскопках так и не был написан, а полевые дневники раскопок могильника и его план до сих пор не найдены. С.К. Кузнецова в своём письме 1896 г. в Археологическую комиссию указывал, что кладбище «снято им на план», его площадь составляет около 2 000 кв. сажень (4 260 кв. м). Работы велись в спешке. Вот что пишет сам автор: «По недостатку времени (так как я располагал только послеобеденными часами и праздниками) и по обилию курганов (разрыто всего 36, среди которых попадались до 5 сажень в диаметре), я рылся при свете фонаря и лампы, а то и просто восковой свечи, взятых в ближайшей железнодорожной будке. На курганах ночевал я четыре ночи, боясь расхищения неоконченных раскопок могил. Не скажу, чтобы ночевки в конце сентября при здешних

холодах, когда вода замерзала в ведре, были приятны, но я был вознагражден находками» (Здесь и далее в цитатах авторские орфография и пунктуация сохранены.) [4. Л. 18].

В описи, составленной С.К. Кузнецовым, курганы названы погребениями. Рассматриваемый курган записан как «погребение 5». До сих пор остаётся загадкой количество захоронений в каждом кургане [3. С. 38]. Нет также никаких данных о размерах насыпей и могил, особенностях погребального обряда, контексте обнаружения находок и т.д. Есть лишь археологическая коллекция (№ 37729 ГИМ), а также опись находок, отрывочные сведения из письма С.К. Кузнецова и несколько фотопрографий находок, сделанных в конце XIX в. [4].

Первая публикация предметов из могильника у Архиерейской Заимки произошла в 1899 г. [5. С. 316–323]. Повторно археологические материалы опубликованы в 1983 г. [3. С. 37–41]. В монографии О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой касательно инвентаря погребения 5 имеется ряд ошибок. Так, опубликованный в книге фрагмент бронзовой чаши [Там же. Рис. 75] на самом деле происходит из погребения 3, а не погребения 5, как это указано в тексте [Там же. С. 40]. В описи коллекции, сделанной С.К. Кузнецовым, фрагмент чаши имеет номер 296 и отнесён к погребению 3. Сломанная чаша была обнаружена вместе с шестью бронзовыми изображениями медведей в «жертвенной позе» и другой тонкой бронзовой чашей, названной С.К. Кузнецовым «медным кругом, согнутым пирогом» [4].

Мы догадываемся, почему работавшая с коллекцией Л.М. Плетнева допустила ошибку. Дело в том, что в погребении 5 была найдена целая бронзовая чаша. В коллекции она числится под номером 54, что совпадает с описью находок из погребения 5, сделанной автором раскопок. Упоминание чаши присутствует в публикации материалов 1899 г. [5. С. 320]. На чаше указан коллекционный номер (37729), что соответствует номеру основной коллекции Архиерейской Заимки, но она хранится в другом отделе музея. Скорее всего, Л.М. Плетнева, проделав кропотливую работу в музее по соотношению находок из описи с каждым погребением, не знала о наличии ещё одной бронзовой чаши и решила, что из погребения 5 происходит не целая чаша, а фрагмент другой посуды. Разбор этого источниковедческого сюжета важен, поскольку чаши играют, как показано ниже, ключевую роль в хронологической атрибуции выявленных комплексов.

Материалы могильника у Архиерейской Заимки неоднократно использовались многими археологами при изучении средневековых древностей Сибири второй половины I тыс. н.э. [6. С. 135; 7. С. 69; 8. С. 52; 9. С. 89; 10. С. 43]. В честь этого могильника некоторыми авторами было предложено назвать финальный этап верхнеобской культуры (IX–X вв.) «архиерейским» [8. С. 51–52]. Как показывают современные исследования, интерес к этому памятнику до сих пор не утихает.

Приведу полный список находок, обнаруженный С.К. Кузнецовым в кургане («погребении») 5, в соот-

ветствии с имеющейся описью коллекции. Отмечу здесь, что название памятника «курганый могильник у Архиерейской заимки» предложено О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой в 1983 г. [3. С. 37]. Сам С.К. Кузнецов везде называл памятник «могильник близ г. Томска». Этот нюанс особенно важен для тех исследователей, которые могут в дальнейшем искать археологическую коллекцию и архивные материалы по этому могильнику. Памятник в музейном фонде ГИМ и архиве ИИМК числится как «могильник близ г. Томска», поэтому поиски коллекции с названием «Архиерейская Заимка» не увенчаются успехом. Все вещи коллекции (кроме чаши) нашиты на планшеты, поэтому, к сожалению, не удалось нарисовать профиля предметов.

Предметы из железа: кузнечные клещи (рис. 1, 1), шесть наконечников стрел разных типов (рис. 1, 4–9), две панцирные пластины (рис. 1, 14–15), три рамчатые пряжки, одна из которых не сохранилась (рис. 1, 10, 11), нож с изогнутой спинкой и ножны к нему (1, 12–13), два фрагмента больших ножей (рис. 1, 2–3), обломок предмета, от которого сохранилась кручёная цепочка с петелькой на конце (рис. 1, 14), кинжал с перекрестием, навершием рукояти в виде колпачка и железными деталями ножен (рис. 2), еще один нож в деревянных ножнах, покрытых медной тонкой оправой [5. С. 320, табл. IV, 6], «часть маленького ножа» [4].

Предметы из бронзы: изображение птицы с расправленными крыльями и личиной на груди (рис. 1, 17), миниатюрное изображение фантастического существа Сенмурва (?), показанного в позе – идущий вправо с открытой пастью и поднятой лапой и крылом на спине (рис. 1, 18), две бляшки так называемого геральдического стиля (рис. 1, 19–20), целая чаша прекрасной сохранности с вертикальными желобками-каннелюрами (рис. 3), пять медных бус [5. С. 320].

Помимо этого, из погребения происходят 3 стеклянные бусы, кусок тиснёной кожи (рис. 1, 21) и керамический сосуд с округлым дном, орнаментированный гребенчатым штампом. В коллекции сосуда нет, его описание дано по первой публикации находок [Там же. С. 320]. Железный кинжал также отсутствует в коллекции, поэтому здесь публикуется отпечаток с негатива, хранящегося в ИИМК [4. Л. 38].

В первичной публикации 1899 г. мы находим информацию о том, что захоронение в кургане 5 было произведено по обряду кремации [5. С. 319]. Это же повторено в монографии О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой [3. С. 39]. Однако в письме С.К. Кузнецова в археологическую комиссию от 1896 г. мы нашли другую информацию, не замеченную исследователями раньше. Приводим дословно текст, касающийся описания погребения 5: «Из отдельных предметов и целых групп можно указать на... две бронзовых чаши; одна (тонкая) разбита. Толстая целая чаша из светлой бронзы, в которой помещался череп с нижней челюстью и два шейных позвонка, поражает математической правильностью отделки и своими изящными очертаниями» [4. Л. 17].

Рис. 1. Курганный могильник Архиерейская Заимка. Курган 5: 1–16 – железо; 17–20 – бронза; 21 – кожа

Рис. 2. Курганный могильник Архиерейская Заимка. Кургan 5.
Железный кинжал с железными деталями ножен

Рис. 3. Курганный могильник Архиерейская Заимка. Кургan 5. Бронзовая чаша

Более подробные сведения о контексте нахождения чаши с черепом присутствуют в публикации В.М. Флоринского. В день открытия погребения с кузнечными инструментами (2 сентября 1896 г.) он пригласил в гости С.К. Кузнецова с просьбой показать вещи из раскопанных им курганов. Встреча состоялась только в полночь, так как С.К. Кузнецов допоздна был занят на раскопках [4. Л. 16 об.]. Полагаю, что тогда В.М. Флоринский и узнал некоторые подробности обнаружения бронзовой чаши. Из опубликованных им позднее данных можно сделать вывод, что чаша была найдена в центральной могиле кургана на глубине 1,5 аршин (около 106 см) от его поверхности. В чаше лежали обгорелые кости черепа. Рядом с ней был зафиксирован в вертикальном положении бронзовый идол – рельефное изображение птицы с распростёртыми крыльями и личиной на груди (см. рис. 1, 17), при этом лицевая сторона идола была обращена к юго-западу, а задняя – к бронзовой чаше [11. С. 285].

Известно, что в подавляющем большинстве случаев отчленение головы происходит между вторым и четвёртым шейными позвонками. Наличие в погребении двух шейных позвонков вместе с черепом говорит о захоронении отдельной головы, а не черепа. Если бы голову отделяли от тела после разложения мягких тканей, то отделение черепа могло бы произойти вместе с атлантом – первым шейным позвонком, но не двумя сразу [12; 13. С. 70–71]. Судя по всему, в погребении 5 захоронили отсечённую обожжённую голову человека, помещённую в бронзовую чашу. Скорее всего, именно это упоминание В.М. Флоринского об обгорелых костях черепа трансформировалось в последующих трудах в «трупосожжение». Хотя не исключено также, что в кургане 5 находилось не одно захоронение.

Аналоги захоронения отсечённой головы в бронзовой чаше или других сосудах по материалам Западной Сибири нам не известны. Отдельные захоронения голов встречены в могильнике Рёлка (Нарымское Приобье), Тимирязевском 1 курганном могильнике (Томское Приобье), могильниках Преображенка-III (Центральная Бараба), Усть-Балык (Среднее Приобье) и других комплексах второй половины I тыс. н.э. [13. С. 127–141]. К сожалению, иные детали погребального ритуала, проводимого при возведении кургана 5, остаются неизвестными.

Отдельный вопрос связан с хронологией изучаемого комплекса. В целом имеется несколько мнений касательно общей датировки могильника Архиерейская Заимка. Наличие в трех захоронениях китайских монет, первоначально отнесённых С.К. Кузнецовым к VIII в. (713–741 гг.), а позднее определённых А.А. Гавриловой и Б.И. Панкратовым временем правления основателя танской династии Гоа-цзу (618–626 гг.), для М.П. Грязнова стали основанием датировать могильник VII в. [6. С. 135]. С.К. Кузнецов, а за ним и Л.А. Чиндина считали, что могильник появился в VIII в. [4. Л. 17; 7. С. 69]. О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева полагают, что курганы

относятся к двум периодам: VI–VIII и IX–X вв. [3. С. 38]. В.В. Бобров, А.С. Васютин и С.С. Онищенко также выделяют на могильнике поздние комплексы IX–X вв. и используют их для характеристики финального этапа верхнеобской культуры [8. С. 51–52].

Несомненный интерес представляет целая бронзовая чаша диаметром 17 см, украшенная вертикальными симметричными желобками-каннелюрами (см. рис. 3). Оформление тулова чаши каннелюрами и размеры типологически сближают её с хорезмийскими чашами, которые изготовляли в VII – начале VIII в. [14. Табл. 25]. Около середины VIII в. эта школа торевтики перестаёт существовать в связи с распространением ислама и завоеванием арабами Хорезма в 712 г. [Там же. С. 108]. Б.И. Маршак датировал чашу из Архиерейской Заимки первой половиной VIII в. [15. С. 228, 235].

Не исключено, что бронзовая чаша вместе с другими чашами и китайскими монетами могла попасть в Нижнее Притомье из Средней Азии на рубеже VII–VIII вв. В это время торговые пути контролировали согдийские купцы, через которых китайские и среднеазиатские вещи попадали в таёжную зону Западной Сибири [16, 17].

Другой предмет среднеазиатского искусства представлен бронзовым изображением мифического существа Сенмурва (?), изображенного идущего вправо, с открытой пастью и поднятой лапой. Схематично изображено крыло, растущее из спины (см. рис. 1, 18). Проникновение этого образа в Западную Сибирь связано со среднеазиатским влиянием начиная со второй половины I тыс. н.э. [18]. Интересно, что изображения мифического зверя Сенмурва встречены ещё в двух комплексах Нижнего Притома (могильник в устье Малой Киргизки и погребение на поселении Чекист), находящихся всего в нескольких километрах от могильника Архиерейская Заимка. Погребения датированы XI–XIV вв. н.э. [19. Рис. 5, 2; 20. Табл. 44], что свидетельствует об устойчивых торговых связях населения Нижнего Притома и Средней Азии на протяжении раннего и развитого Средневековья.

В погребении 5 Архиерейской Заимки рядом с бронзовой чашей найдено изящное рельефное изображение птицы с расправленными крыльями и личиной на груди (см. рис. 1, 17). Этот образ был широко распространён в урало-сибирской культурной среде во второй половине I тыс. н.э. [21, 22].

Из этого же погребения происходит экземпляр редкого и, судя по всему, престижного оружия – железного кинжала с мощным перекрестием сабельного типа (см. рис. 2). На основе аналогов он датируется VII–VIII вв. [10. С. 43].

Бронзовые бляшки так называемого геральдического стиля из кургана 5 (см. рис. 1, 19–20) также укладываются в период VII–VIII вв. Подобная бляшка происходит из могилы 7 кургана 1 могильника Рёлка, датированной VII–VIII вв., но скорее – VIII в. [7. С. 69]. Такая же по типу бляшка встречена в могиле 10 (ку-

дыргинского типа) могильника Кудыргэ в Горном Алтае [23. Табл. X, 14]. Похожие накладные бляшки найдены в Новосибирском Приобье: в погребении кургана 1 могильника Умна-2 и погребении 1 кургана 2 могильника Усть-Акбалык-4 VII – самого начала VIII в. [10. С. 56, Рис. 26, 13, 36]. Аналогичная геральдическая бляшка присутствует в составеклада у с. Лебеди в Кузнецкой котловине, датированного В.В. Бобровым в пределах VI–VIII вв. [24]. В целом, появление поясной гарнитуры геральдического стиля в Сибири относится ко второй половине VII в. [25]. Д.Г. Савинов, ссылаясь в числе прочего на исследования В.Б. Ковалевской, полагает, что широкое распространение геральдического стиля произошло в VII в. с возможным заходом в VIII в., но никак не в VI в. [26].

В кургане 5 найдено также 2 фрагмента железных изделий, определенных С.К. Кузнецовым как «фрагменты ножей» (рис. 1, 2–3). Однако, судя по размерам сохранившихся частей рукоятей и клинков, не исключено, что «ножи» могут являться однолезвийными палашами. Ширина клинков составляет почти 2 см. Длина сохранившихся частей – соответственно 6 и 10 см. Они значительно массивнее ножей нормативных размеров, найденных в этом же погребении. Перекрестия на обоих экземплярах отсутствуют. Палаши имеют сужающиеся рукояти с небольшими заплечиками. Для второго палаша (см. рис. 1, 3) характерно небольшое сужение клинковой части у рукояти. Подобное оформление клинка имеет палаш из могилы 7 могильника Рёлка, датированной VII–VIII вв. [7. С. 69. Рис. 6, 1].

Таким образом, датировка погребения 5 определяется концом VII – первой половиной VIII в. Найденные в кургане железные пряжки и наконечники стрел разных типов не противоречат этой дате. О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева предложили более широкую дату для этого комплекса – VI–VIII вв. [3. С. 95], однако выявленная бронзовая среднеазиатская чаша, а также пояс геральдического стиля позволяют сузить время возникновения кургана 5.

Таким образом, наличие в одном комплексе кузнечных клещей и элитного набора вооружения, предметов искусства и культовых изделий не позволяет однозначно интерпретировать прижизненный статус умершего как кузнеца.

В Приобье случаи сопровождения покойного кузнечным инструментарием наряду с богатым «престижным» инвентарем встречены также в могильниках Чердашный Лог-III, Тимирязевский-1, Тимирязевский-2, Могильнический, расположенных в Томском Приобье, и могильнике Рёлка, находящемся в Нарымском Приобье [2].

В Западной Сибири первые погребения с кузнечными инструментами появляются именно на террито-

рии Томско-Нарымского Приобья и датируются в широких пределах VI–IX вв. В других регионах Западной Сибири они пока не известны.

На мой взгляд, набор элитного вооружения и культовых украшений вкупе с кузнечными инструментами в погребениях Томско-Нарымского Приобья демонстрирует принадлежность умерших к высокому социальному (правлящему) рангу. Возможно, наличие в захоронениях клещей и молотков следует воспринимать как символ, олицетворяющий связь правителя-воина с той магической силой и властью, которые были присущи кузнецам в представлениях средневековых обществ Евразии [1. С. 180–185; 27. С. 108–112; 28; 29].

Косвенно на предложенную интерпретацию может указывать ещё одно обстоятельство. В Тимирязевском-II курганном могильнике (Томское Приобье) в кургане 58 с умершим были положены железные клещи, зубило, молоток, долото, тесло, бронзовая пряжка и несколько бронзовых нашивок. Погребение датировано IX–X вв. [30. С. 85–86]. Это захоронение, помимо кузнечных инструментов, как видно, содержит «рядовой» инвентарь. Подобные комплексы с кузнечными инструментами и «невнятные» находки (по сравнению с материалами элитных захоронений) известны в Томском Приобье и последующую эпоху развитого Средневековья [2].

Таким образом, на территории Томского Приобья на всём протяжении эпохи Средневековья кузнечные инструменты сопровождали как элитные погребальные комплексы, так и рядовые погребения. Возможно, в первом случае, о чем говорилось выше, инструменты кузнеца являлись символом власти и «зеркалом» высокого социального статуса умерших. Их же присутствие в рядовых могилах могло отражать принадлежность покойных к профессиональному рангу кузнецов-ремесленников.

Почему именно в Томско-Нарымском Приобье возник погребальный обряд, отражающий сложные представления о связи кузнечества с властью и воинской силой, сегодня остаётся загадкой. В качестве гипотезы можно предположить следующее: во второй половине I тыс. н.э. в Томском Приобье происходят радикальные перемены в культуре, связанные со стремительным распространением железной продукции и кузнечных технологий [31]. Впервые в регионе появляются новые категории инвентаря (стремена, палаши, кресала, кузнечные инструменты и др.). Возможно, произошедшие перемены отразились на мировоззренческом уровне, результатом чего и стало появление элитных захоронений с кузнечными инструментами, отражавших принадлежность умерших к правящему социальному рангу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI–XVII в. таёжного Причулымья в свете археологии и археоботаники (Опыт комплексного исследования одного кургана) / отв. ред. Д.Г. Савинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 432 с.
2. Водясов Е.В. Средневековые погребения с кузнечными инструментами на юге Западно-Сибирской равнины // Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии : материалы V (L) российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. Иркутск : Оттиск, 2010. С. 307–309.

3. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья междуречья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 245 с.
4. Дело Императорской археологической комиссии о раскопках библиотекаря Императорского Томского Университета С.К. Кузнецова // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1896. Д. 53.
5. Записки Императорского русского археологического общества. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1899. Т. XI, вып. 1, 2.
6. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 163 с. (Серия: Материалы и исследования по археологии СССР. № 48).
7. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 192 с.
8. Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово : ИНТ, 2010. 276 с.
9. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.
10. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.
11. Флоринский В.М. Предметы религиозного значения // Известия Императорского Томского университета. Томск : Типография П.И. Макушина, 1897. Кн. XI. С. 273–339.
12. Зайцева О.В. Вторичные погребения: проблемы изучения и интерпретации // Пространство культуры в археолого-этнографическом изменении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 96–98.
13. Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследований и возможности интерпретации : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 278 с.
14. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М. : Наука, 1976. 199 с.
15. Маршак Б.И. Материалы по среднеазиатской торевтике // Советская археология. 1976. № 1. С. 227–247.
16. Кузнецов Н.А. Монеты из памятников Верхнеобской культуры // Тюркологический сборник 2006. М. : Вост. лит., 2007. С. 212–222.
17. Зайцева О.В., Кузнецов Н.А., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Забытые комплексы и китайские монеты Тимирязевского-1 курганного могильника // Сибирские исторические исследования. № 4. 2016. С. 281–301.
18. Троицкая Т.Н., Черноскутов Е.М. К вопросу о связях Новосибирского Приобья со Средней Азией в конце I тыс. н.э. // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 129–136.
19. Васильев Е.А. Древнейшее поселение в устье Большой Киргизки // Северск. История и современность : сб. ст. / под ред. Л.М. Плетневой, П.Е. Бардиной, И.М. Рудой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 12–21.
20. Плетнева Л.М. Археологические экспедиции в Томском Приобье (1963–2005). Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2016. 144 с.
21. Яковлев Я.А. Средневековое культовое литье Нарымского Приобья // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 9–31.
22. Кузнецов Н.А. Бронзовые изображения птиц в памятниках верхнеобской культуры // Из Кузнецкой старины. Новокузнецк : Изд-во ООО «Полиграфист», 2013. Вып. 4. С. 4–18.
23. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 110 с.
24. Бобров В.В. Атрибуты шаманского костюма из клада у села Лебеди (Кузнецкая котловина) // Клады: состав, хронология, интерпретация : материалы тематич. науч. конф. СПб., 2002. С. 206–212.
25. Васютин А.С. Ещё раз о Кудыргэ // Степи Евразии в Древности и Средневековье : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2003. С. 224–226.
26. Савинов Д.Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 2000. С. 170–177.
27. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск : Наука, 1988. 255 с.
28. Jorgensen R. The Social and Material Context of the Iron Age Blacksmith in North Norway // Acta Borealia. 2012. Vol. 29, № 1. P. 1–34.
29. Jezek M. The Disappearance of European Smiths' Burials // Cambridge Archaeological Journal. 2014. № 25 (1). С. 121–143.
30. Плетнева Л.М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 64–87.
31. Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. The Appearance and Development of Iron Production on the Border between the «Steppe» and «Taiga» Cultural Worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region) // Bylye Gody. 2015. № 3. P. 472–478.

Vodyasov Evgeniy V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

THE ELITE BURIAL WITH FORGING TONGS IN THE BURIAL MOUND SITE «ARKHIEREISKAYA ZAIMKA» (TOMSK OB RIVER REGION)

Keywords: Blacksmith Tools, Burial rite, early Middle Ages, Tomsk Ob River Region.

The article publishes archaeological data on the “elite” burial 5 in the burial mound site “Arkhiereiskaya Zaimka” (Ob Tomsk River Region, Western Siberia), which was excavated by S.K. Kuznetsov in 1896. The finds are represented by forging tongs, a full set of weapons (dagger, arrowheads, swords; armor, knives), the leather belt with different types of iron buckles and bronze plaques, bronze cult and art artifacts (a bowl and the image of a mythical animal (Simurgh) from Central Asia, a relief image of a bird with a human face in the center, beads) and ceramic vessel.

Materials of this burial have been already published, but not all findings have been published and correctly attributed, and some things have been mistakenly associated with burial 5 by previous researchers. In addition, for the first time archival data on the funeral rite in this mound are published. The deceased was chopped off his head, and his head was buried in a bronze bowl. Bronze idol (image of a bird with a human face in the center) was set vertically near bronze bowl with deceased's head inside.

The date of burial 5 is clarified – the end of the VII – the first half of the VIII c. The basis for dating is the bronze bowl, which was made in Khorezm School in VII-first half of VIII c. Most likely, Asian items were imported to taiga Siberia through Sogdian merchants, who controlled the trade ways at that time.

There are other elite Early Middle Ages burials with blacksmith tools (tongs and hammers) in Western Siberia. All burials are dated back to the VI–IX centuries and located in Tomsk-Narym Ob River Region. Early Middle Ages burials with blacksmith tools outside this territory have not yet been found in Western Siberia.

The combination of blacksmith tongs and rich grave goods in these burials (a full set of weapons, rich belts, cult and art artifacts), in my opinion, reflected the high social status (the ruling elite) of the deceased. The blacksmith's tongs and hammers played a symbolic function and were the attributes of a power in these burial rites. Perhaps, the presence of tongs and hammers in burials symbolized the connection of the ruler-warrior with the magical power, associated with the mythical figure of blacksmith in the beliefs of medieval societies in different Regions of Eurasia. However, forging tools are also found in Siberian Middle Ages burials that do not contain prestigious elite items. In this case, perhaps, blacksmith tools reflected the professional specialization of the deceased as blacksmith-craftsman.

REFERENCES

- Belikova, O.B. (2010) *Zyryanskiy mogil'nik kontsa XVI-XVII v. taezhnogo Prichulyum'ya v svete arkhologii i arkhobotaniki: (Opyt kompleksnogo issledovaniya odnogo kurgana)* [Zyryansky burial ground of the late 16th–17th centuries in the taiga Prichulymie in terms of archeology and archeobotany (a complex study of the mound)]. Tomsk: Tomsk State University.
- Vodyasov, E.V. (2010) Srednevekovye pogrebeniya s kuznechnymi instrumentami na yuge Zapadno-Sibirskoy ravniny [Medieval burials with blacksmith tools in the south of the West Siberian Plain]. *Evraziyskoe kul'turnoe prostranstvo. Aktual'nye problemy arkhologii, etnologii, antropologii* [Eurasian cultural space. Topical problems of archeology, ethnology, anthropology]. Proc. of the Fifth Russian Conference Irkutsk. pp. 307–309.
- Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya mezhdurech'ya v V-VIII vv. n.e.* [Monuments of the Tomsk Ob Mezhdurechie in the 5th–8th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
- Imperial Archaeological Commission. (1896) *Delo Imperatorskoy arkhologicheskoy komissii o raskopkakh bibliotekarya Imperatorskogo Tomskogo Universiteta S.K. Kuznetsova* [The case of the Imperial Archaeological Commission on the excavations of the librarian of the Imperial Tomsk University S.K. Kuznetsov]. The Archive of IHMC RAS. Fund 1. File 53.
- the Imperial Russian Archaeological Society. (1899) *Zapiski Imperatorskogo russkogo arkhologicheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society]. Vol. 9 (1, 2). St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova.
- Gryaznov, M.P. (1956) *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* [The history of the ancient tribes of the Upper Ob River in excavations near Bolshaya Rechka]. Moscow, Leningrad: USSR AS.
- Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Relka na Sredney Obi* [Relka burial ground on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
- Bobrov, V.V., Vasyutin, A.S. & Onishchenko, S.S. (2010) *Vaganovskiy kurgannyi nekropol' IX v. n.e. v Prisalair'e* [Vaganovsky mound necropolis of the 9th c. AD in Prisalairie]. Kemerovo: INT.
- Soloviev, A.I. (1987) *Voennoe delo korennoy naseleniya Zapadnoy Sibiri. Epokha srednevekov'ya* [Military art of the indigenous population of Western Siberia. The Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka.
- Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (1998) *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [the Upper Ob culture in the Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
- Florinskiy, V.M. (1897) Predmety religioznogo znacheniya [Subjects of religious significance]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 9. pp. 273–339.
- Zaytseva, O.V. (2001) [Secondary burials: problems of study and interpretation]. *Prostranstvo kul'tury v arkhologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i soprodel'nye territorii* [Cultural space in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and cross-border regions]. Proc. of the International Conference. Tomsk. pp. 96–98. (In Russian).
- Zaytseva, O.V. (2004) *Pogrebeniya s narushennoy anatomicheskoytselostnost'yu kostyaka: metodika issledovaniy i vozmozhnosti interpretatsii* [Burials with broken anatomical integrity of the backbone: the research technique and variants of interpretation]. History Cand. Diss. Tomsk.
- Darkevich, V.P. (1976) *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII-XIII vv.: Proizvedeniya vostochnoy torevitiki na territorii Evropeyskoy chasti SSSR i Zaural'ya* [Artistic metal of the East in the 8th–13th centuries: Works of oriental toreutics in the European USSR and the Trans-Urals]. Moscow: Nauka.
- Marshak, B.I. (1976) Materialy po sredneaziatskoy torevitike [Materials on Central Asian toreutics]. *Sovetskaya arkhologiya*. 1. pp. 227–247.
- Kuznetsov, N.A. (2007) Monety iz pamyatnikov Verkhneobskoy kul'tury [Coins from the Monuments of the Upper Obian Culture]. In: Klyash-tornyy, S.G. & Sultanov, T.I. (eds) *Tyurkologicheskii sbornik 2006* [Turcologica 2006]. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 212–222.
- Zaytseva, O.V., Kuznetsov, N.A., Belikova, O.B. & Vodyasov, E.V. (2016) Forgotten complexes and Chinese coins from the Timiryazev-1 burial site. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 4. pp. 281–301. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/14/15
- Troitskaya, T.N. & Chernoskutov, E.M. (1984) K voprosu o svyazyakh Novosibirskogo Priob'ya so Sredney Aziei v kontse I tys. n.e. [On the links between the Novosibirsk Ob region and Central Asia in the late 1st millennium AD]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Zapadnaya Sibir' v epokhu srednevekov'ya* [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129–136.
- Vasiliev, E.A. (1994) Drevneyshee poselenie v ust'e Bol'shoy Kirgizki [The oldest settlement in the mouth of the the Bolshaya Kirgiska]. In: Pletneva, L.M., Bardina, P.E. & Rudaya, I.M. (eds) *Seversk. Istoriya i sovremennost'* [Seversk. History and Modernity]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 12–21.
- Pletneva, L.M. (2016) *Arkheologicheskie ekspeditsii v Tomskom Priob'e (1963–2005)* [Archaeological expeditions in the Tomsk Priobie (1963–2005)]. Tomsk: Tomsk State University.
- Yakovlev, Ya.A. (1984) Srednevekovoe kul'tovoe lit'e Narymskogo Priob'ya [Medieval religious casting of the Narym Ob region]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Zapadnaya Sibir' v epokhu srednevekov'ya* [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 9–31.
- Kuznetsov, N.A. (2013) Bronzovye izobrazheniya ptits v pamyatnikakh verkhneobskoy kul'tury [Bronze images of birds in the monuments of the Upper Ob culture]. In: Shirin, Yu.V. (ed.) *Iz Kuznetskoy stariny* [Kuznetsk Antiquities]. Novokuznetsk: Poligrafist. pp. 4–18.
- Gavrilova, A.A. (1965) *Mogil'nik Kudyrga kak istochnik po istorii altayskikh plemen* [Kudyrga burial ground as a source on the history of Altai tribes]. Moscow, Leningrad: Nauka.
- Bobrov, V.V. (2002) [Attributes of a shaman costume from a treasure near the village of Lebedi (Kuznetsk hollow)]. *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya* [Treasures: composition, chronology, interpretation]. Proc. of the Conference. St. Petersburg. pp. 206–212. (In Russian).
- Vasyutin, A.S. (2003) [Once again about Kudyrga]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Eurasian steppes in Old Times and Middle Ages]. Proc. of the International conference. St. Petersburg. pp. 224–226. (In Russian).
- Savinov, D.G. (2000) Kudyrginskiy predmetnyy kompleks na Severnom Altai (po materialam Osinskogo mogil'nika) [Kudyrga complex in the Northern Altai (on the materials of the Osinkinsky burial ground)]. In: Molodin, V.I., Khudyakov, Yu.S. & Skobelev, S.G. (eds) *Pamyatniki drevnyayurkskoy kul'tury v Sayano-Altai i Tsentral'noy Azii* [Monuments of Ancient Culture at the Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 170–177.
- Lvova, E.L., Oktyabrskaya, I.V., Sagalaev, A.M. & Usmanova, M.S. (1988) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir* [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. Real world]. Novosibirsk: Nauka.
- Jorgensen, R. (2012) The Social and Material Context of the Iron Age Blacksmith in North Norway. *Acta Borealia*. 29(1). pp. 1–34. DOI: 10.1080/08003831.2012.678718
- Jezek, M. (2014) The Disappearance of European Smiths' Burials. *Cambridge Archaeological Journal*. 25(1). pp. 121–143. DOI: 10.1017/S095977431400064X
- Pletneva, L.M. (1984) Pogrebeniya IX-X vv. v Tomskom Priob'e []. In: Chindina, L.A. (ed.) *Zapadnaya Sibir' v epokhu srednevekov'ya* [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 64–87.
- Vodyasov, E.V. & Zaitseva, O.V. (2015) The appearance and development of iron production on the border between the “steppe” and “taiga” cultural worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region). *Bylye Gody*. 3. pp. 472–478.